

УДК 903

М.В. Аникович

Институт истории материальной культуры РАН
 Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
 E-mail: niplaton@peterlink.ru

СУНГИРЬ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

Предварительные замечания

Новые монографические публикации материалов знаменитой Сунгирской стоянки [Палеолитическое поселение Сунгирь..., 1998; Homo sungirensis..., 2000] заметно стимулировали интерес к этому памятнику, равно как и к связанному с ним кругу проблем, как локальных (хронология, культурная принадлежность и проч.), так и глобальных. Важнейшая среди последних – связи между средним и верхним палеолитом, между архаичными и современными формами гоминидов. Не случайно по последнему вопросу среди антропологов развернулась интересная полемика [Козинцев, 2003, 2004; Медникова, 2003, 2004]. Мне, как археологу-палеолитоведу, чьи научные интересы во многом связаны с вопросами перехода от среднего к верхнему палеолиту, данная проблематика отнюдь не чужда [Аникович, 1991, 1997]. В предлагаемой статье я хочу осветить именно *археологический* аспект проблемы, определяющий мое отношение к гипотезам, основанным на данных современной антропологии и генетики.

Стратиграфия, хронология, планиграфия

подавляющее большинство находок приурочено к погребенной почве (“брянской”), что отразилось в

* Работа подготовлена в рамках проекта Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии” (№ 23: “Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа: глобальные и региональные аспекты процесса”).

термине “почвенно-культурный слой” (или “культурно-почвенный”) [Homo sungirensis..., 2000, с. 22 и др.]. Более тонких стратиграфических градаций культурного слоя провести не удалось.

Серия радиоуглеродных дат по Сунгирию дает разброс приблизительно от 28 000 до 20 000 л.н. [Там же, с. 30–32], что указывает на относительно молодой возраст памятника – в пределах ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, начавшейся, по современным данным, ок. 45 000 л.н. [Аникович, 2003]. Этот разброс вновь поднимает старую проблему: является ли он погрешностью метода или объясняется характером накопления культурных остатков? Опыт изучения Зарайской стоянки [Амирханов, 2000] свидетельствует в пользу второго варианта интерпретации разброса дат. Вероятно, и в Сунгире культурный слой (слои?) накапливался тысячелетиями [Гаврилов, 2004]. Высказано предположение, что в процессе обитания на этом поселении можно выделить два основных этапа: относительно постоянное проживание (28 800–25 800 л.н.) и более или менее sporadические посещения (25 500–20 300 л.н.). Погребения относят ко второму, причем, судя по радиоуглеродным датам, захоронение мужчины было совершено позже (возможно, значительно позже) парного погребения детей [Homo sungirensis..., 2000, с. 41]. В этой ситуации планиграфия памятника не ясна. Надежно установленными объектами являются очаги, скопления костей и знаменитые погребения. Однако их хронологическое соотношение остается под вопросом. К тому же, судя по публикациям [Бадер, 1978, с. 18–19; Homo sungirensis..., 2000, с. 22–25], погребений в районе стоянки было больше. Карьерные работы, по-видимому, уничтожили уникальное

явление – палеолитический могильник. “Жилища”, реконструированные *post factum*, не могут считаться достоверными объектами [Гаврилов, 2004].

Культурная принадлежность: методико-методологический аспект

Говоря о культурной принадлежности, равно как о культурном генезисе, происхождении, трансформации и проч., археологи обычно подразумевают то, что А.Н. Рогачев называл “этнографическими чертами”: *культурное своеобразие, выражающееся через культурные традиции*. Эти традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности, в т.ч. (но не исключительно) и в специфических формах – *типах*.

Публикации сунгирских коллекций далеко не полны. Уже поэтому при сравнении их с материалами других археологических объектов приходится ориентироваться, в первую очередь, на качественные характеристики (с учетом того, что и они не полны). Однако прежде всего следует решить вопрос о гомогенности самой коллекции. С учетом возможной многослойности памятника вопрос этот далеко не праздный. Но поскольку проблема многослойности Сунгирия не решена, нет и критериев для разделения коллекции. Напомню в этой связи, что даже для Зарайской стоянки, где произведена четкая стратификация структурных объектов культурного слоя на четыре стратиграфических горизонта (из которых верхний во всех отношениях может рассматриваться как самостоятельный культурный слой), осуществить соответствующее разделение коллекции каменных изделий, от первого до последнего кремня, невозможно. Отмечу и то, что, невзирая на разрыв в несколько тысячелетий, материалы всех трех нижних горизонтов и верхнего культур-

ного слоя Зарайской стоянки, несомненно, однокультурны. С учетом этих обстоятельств можно условно признать коллекцию Сунгирия гомогенной и рассматривать ее как единое целое.

Сунгирь и костенковско-стрелецкая археологическая культура

Постановка проблемы. Костенковско-стрелецкая археологическая культура (АК) была впервые выделена А.Н. Рогачевым в середине 1950-х гг. [1957]. Более детальное ее обоснование было дано Г.П. Григорьевым [1963], а впоследствии мной [Аникович, 1977, 1991; Рогачев, Аникович, 1984]. После открытия Сунгирской стоянки сразу же возник вопрос о ее отношении к данной культуре. Несомненными были как черты сходства, вплоть до уровня типов (двусторонне обработанные треугольные наконечники с вогнутым основанием – ведущий тип стрелецкой АК), так и существенные различия. Не вдаваясь в подробности, отмечу: до сих пор преобладает точка зрения на Сунгирь как на самостоятельное культурное явление (“сунгирская культура”), впрочем, бесспорно связанное со стрелецкой АК [Homo sungirensis..., 2000, с. 22].

Попытаюсь сформулировать черты сходства/различий между индустрией Сунгирия и комплексами, определяющими костенковско-стрелецкую культуру, каковыми считаются Костенки-12/III (по стратиграфическому положению и ¹⁴C-датам, древнейший памятник этой культуры: > 36 тыс. л.н.), Костенки-1/V (хроностратиграфическая позиция спорна, но в любом случае возраст памятника не менее 28–32 тыс. лет) и Костенки-6 (Стрелецкая-2; материал ушербен, т.к. собран в отложениях древнего овражка, что не исключает наличия посторонних примесей):

Сходства	Различия
1. Сунгирская индустрия, как и стрелецкие, может быть охарактеризована в общем и целом как непластинчатая.	Это понятие относительное; пластины умели снимать и в Костенках, и в Сунгире, причем на Сунгирской стоянке пластинчатые заготовки использовались чаще.
2. И стрелецкие, и сунгирская индустрии относятся к типу архаичных: верхнепалеолитические орудия сочетаются с хорошо выраженным среднепалеолитическим комплексом.	Стрелецкие индустрии относятся к селетоидному технокомплексу, сунгирская может быть охарактеризована, скорее, как ориньякоидная с селетоидными элементами.
3. Список основных технико-морфологических групп орудий (“категорий”) в рассматриваемых комплексах идентичен.	Но их конкретные характеристики и процентные соотношения заметно различаются.
4. В индустриях стрелецкой АК, как и в сунгирской, присутствует типологически устойчивый компонент среднепалеолитических форм орудий, прежде всего морфологически близких скребел и остроконечников.	В Сунгире их процент, по-видимому, ниже, а типологический состав беднее.
5. И там, и там техника резцового скола развита относительно слабо, резцы морфологически маловыразительны.	Специфический тип поперечного резца, известный в Костенках-1/V, отсутствует в Сунгире. Впрочем, его нет и на других памятниках стрелецкой АК.
6. Во всех рассматриваемых комплексах присутствует типологически устойчивая группа орудий с чешуйчатой подтековой.	В Сунгире такие орудия выразительнее, их процент выше.

7. В сунгирской коллекции, как и в костенковских, имеются листовидные двусторонне обработанные орудия: треугольные и миндалевидные наконечники, диски (две последние формы известны в Костенках-12/III).
8. И там, и там скребки преобладают над резцами. В Сунгире имеются типы скребков, близкие или аналогичные стрелецким: с расширяющимися к лезвию краями, сердцевидные, овальные.
9. В Костенках-12/1а и в Сунгире имеются однотипные плоские подтреугольные подвески (рис. 1, 2). В Костенках-12/III найден продольно расчлененный фрагмент бивня.

Но в Сунгире их ничтожно мало.

Их мало, и они сопровождаются типами скребков, неизвестными на костенковских памятниках: округлыми и на пластинах.

Выразительный набор украшений, а также костяных и бивневых орудий, поделок, произведений искусства известен только в Сунгире; на костенковских памятниках ничего подобного до сих пор не обнаружено. Впрочем, судя по погребениям, в Сунгире этот набор относится к последнему этапу существования поселения.

Сопоставительный анализ позволяет сделать только один вывод: связь Сунгира с костенковско-стрелецкой культурой несомненна. Она прослеживается на всех уровнях – от самого общего, технологического, до уровня типа. В то же время на тех же уровнях наблюдаются и явные различия. Таким образом, однокультурность памятников неочевидна; отмеченному сходству могут быть предложены иные объяснения. Так, например, памятники павловского и виллендорфско-костенковского типов обладают бесспорным сходством культурно-генетического плана (на уровне специфических характеристик, включая типы). Долгое время предполагалось, что такое сходство – результат развития единых культурных традиций: “павловъен” наследует “виллендорфъену”. Но после появления серии радиоуглеродных дат для памятников павловского типа выяснилось: эти линии развивались параллельно. Иными словами, речь идет о двух археологических культурах – более ориньякоидной (виллендорфско-костенковская) и более граветтоидной (павловско-хотылевская), – имевших разные генетические корни, но в силу каких-то исторических обстоятельств образовавших культурное единство [Аникович, 1998]. Сопоставительный анализ показывает, что между стрелецкой АК и Сунгирем вполне могла быть сходная связь. Как же это проверить?

Для проверки можно предложить следующие логические посылы:

1) если Сунгирь представляет особую культурную традицию, параллельную костенковско-стрелецкой, то должны быть найдены памятники, типологически близкие Сунгирию, а хронологически – костенковским стоянкам стрелецкой АК;

2) если Сунгирь принадлежит костенковско-стрелецкой АК и различия между ними объясняются хронологически (этапы развития одной культуры), то должны быть обнаружены “промежуточные звенья” – индустрии, чья типология связала бы Сунгирь и Костенки в единое целое.

Опыт решения проблемы. Памятники, которые бы соответствовали первому предположению,

Рис. 1. Сланцевая подвеска из культурного слоя Костенок-12/1а.

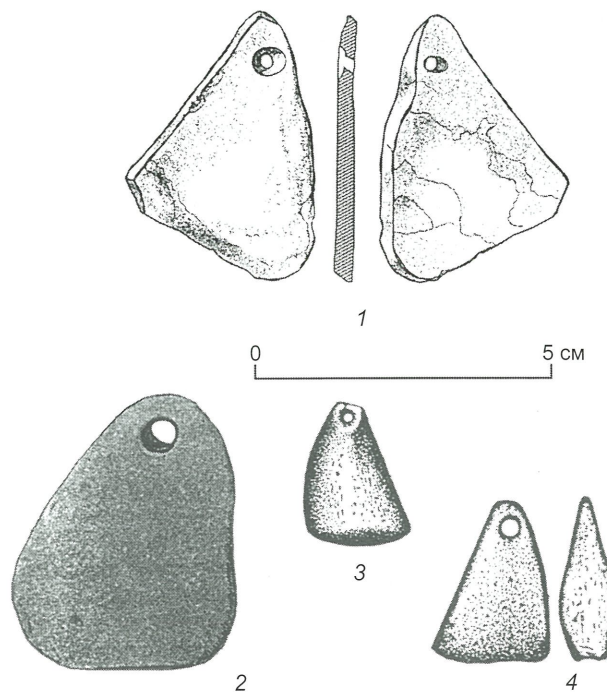

Рис. 2. Подтреугольные подвески.

1 – Костенки-12/1а; 2–4 – Сунгирь (по: [Бадер, 1978, рис. 112, 113]).
1, 2 – сланец, 3, 4 – бивень.

до сих пор не найдены. Зато второму вполне отвечают материалы комплексов с треугольными наконечниками, открытых и исследуемых А.Е. Матюхиным в Бирючьей Балке (бассейн Северского Донца) [2002]. Для этих комплексов характерно следующее:

1) техника скола в целом непластинчатая, но пластинчатые сколы присутствуют; они использовались чаще, чем на костенковских памятниках стрелецкой АК;

2) тип индустрии архаичный, относящийся к селетоидному технокомплексу; набор среднепалеолитических орудий типологически соответствует стрелецким и сунгирскому;

3) среди орудий верхнепалеолитического облика преобладают двусторонне обработанные наконечники и скребки, техника резцового скола развита слабо;

4) среди скребков типично стрелецкие формы (подтреугольные и сердцевидные) сочетаются с сунгирскими (овальные и концевые на пластинчатых заготовках);

5) среди двусторонне обработанных острий преобладают треугольные наконечники стрелецкого типа, которые представлены подтипами, характерными для Костенок-1/V (включая мелкие наконечники стрел) и для Сунгира (равнобедренный вытянутый наконечник с прямым основанием); в небольшом количестве имеются наконечники с округлым основанием;

6) отмечены формы, характерные для костенковских памятников стрелецкой АК, но не выделенные в Сунгире (высокие подтреугольные стамески), и наоборот (острия на пластинах).

Сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод: *на сегодняшний день более обоснованно было бы рассматривать Сунгирь как финальный этап развития костенковско-стрелецкой АК, а не как самостоятельную археологическую культуру.*

Долгое время о возрасте стоянок Бирючьей Балки, содержащих инвентарь стрелецкого облика, ничего не было известно. Сейчас ситуация меняется к лучшему: получены заключения геологов, палинолога Г.М. Левковской, а также первые AMS-даты [Матюхин, 2004]. Статья, подробно характеризующая эти важнейшие результаты, находится в печати. Здесь я сошлюсь лишь на общий вывод, который сам

А.Е. Матюхин рассматривает как сугубо предварительный: "...если принять имеющиеся радиоуглеродные даты, а также результаты палинологического исследования, то отложения, содержащие индустрии с треугольными остриями, охватывают промежуток времени от 26 (31) до 17 тыс. лет назад" [Матюхин, в печати]. Дата порядка 31 тыс. л.н. отвечает второму этапу развития стрелецких традиций в Костенках. Памятники стрелецкой АК с датами порядка 26 тыс. л.н. там неизвестны, равно как и более молодые. Таким образом, "стрелецкая" колонка Бирючьей Балки во времени "наследует" костенковской. Это вполне согласуется с приведенным выше выводом: и типологически, и хронологически стрелецкие индустрии Бирючьей Балки занимают промежуточное положение между костенковско-стрелецкими и сунгирской.

Периодизация костенковско-стрелецкой АК, как она выглядит на сегодняшний день, представлена в таблице.

Я ограничиваюсь примером развития только одного, хотя и ведущего типа данной культуры: треугольного наконечника с вогнутым основанием (рис. 3). Пример показателен: те, кто не забыл блестящую книгу Д. Кларка "Аналитическая археология", заметят, что эволюция этого типа в культурном контексте стрелецкой АК в общем и целом разворачивается в соответствии с основными закономерностями, подчеркнутыми и описанными британским теоретиком археологии: налицо "восходящая" и "нисходящая" линии развития типа [Федоров-Давыдов, 1970, с. 264].

Генезис костенковско-стрелецкой АК

Культурная трансформация. Мы располагаем и другими данными в пользу отнесения Сунгира к финальному этапу стрелецкой АК. В Костенках есть еще один памятник, который, по мнению некоторых исследователей, представляет костенковско-стрелецкую АК, – Костенки-11/III. Здесь был найден треугольный наконечник сунгирского подтипа: равнобедренный с прямым основанием. Однако прочие материалы этой индустрии не вписываются в стрелецкую традицию:

Периодизация костенковско-стрелецкой культуры

Этап	Время, тыс. л.н.	Памятники	Основные характеристики наконечников стрелецкого типа
IV	28–20	Сунгирь	Мало. Представлены двумя подтипами: характерными для I этапа и вытянутыми с прямым основанием
III	31(?) – 26	Бирючья Балка, "стрелецкие" слои	Много. Появляется новый подтип: равнобедренный, вытянутый, с прямым основанием
II	32–28	Костенки-1/V, 11/V, 12/1a, Гарчи-1	Много. Разнообразны по размерам и формам – не менее четырех подтипов
I	> 36	Костенки-12/III и 6	Мало. Наконечники средних размеров с выраженным вогнутым основанием. Подтипы не выделяются

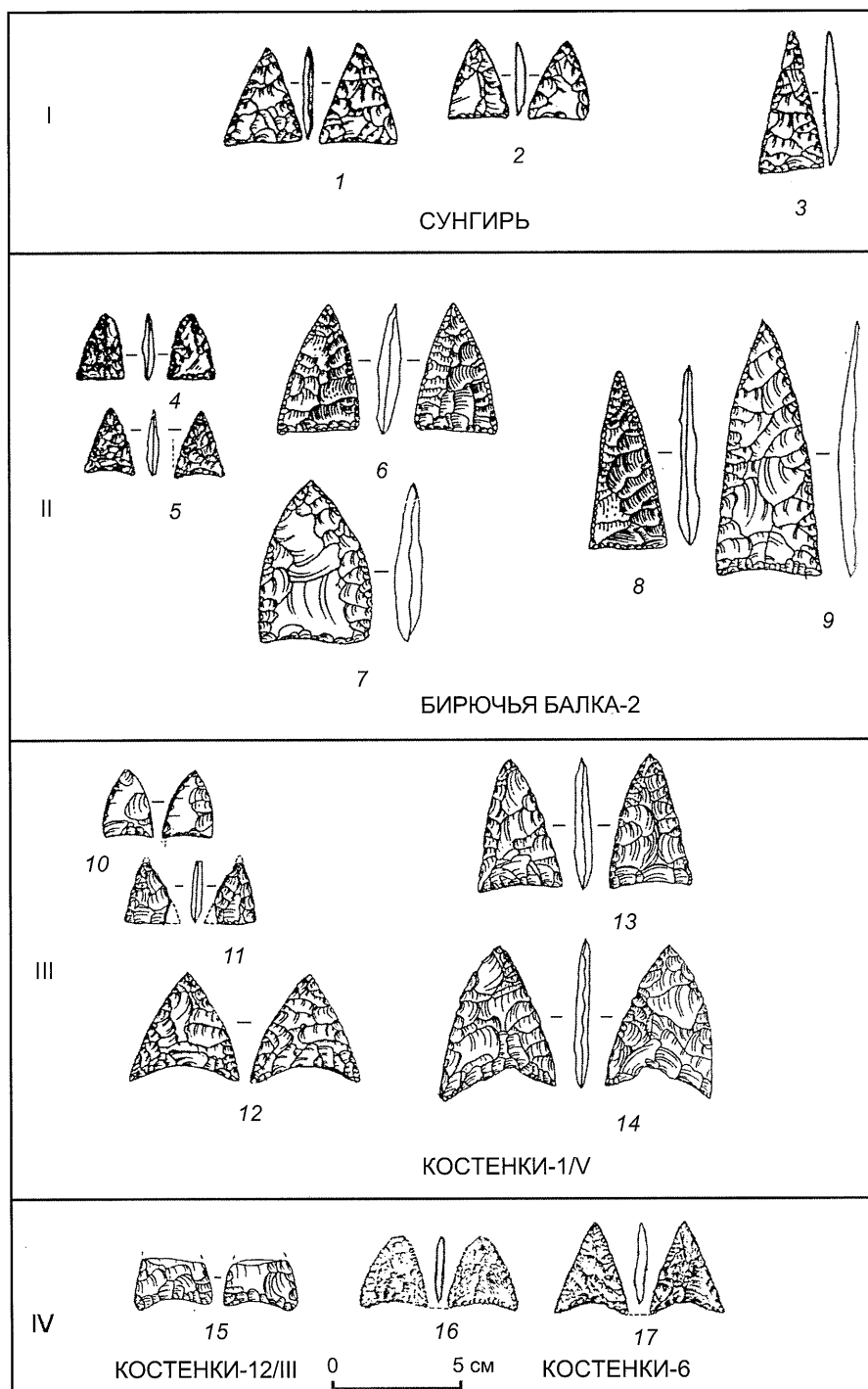

Рис. 3. Изменение типа треугольного наконечника с вогнутым основанием в контексте развития традиций формообразования в костенковско-стрелецкой АК.

1) по общим технико-морфологическим характеристикам данная индустрия относится к ориньякоидному технокомплексу;

2) среднепалеолитические формы орудий в “классическом” виде не представлены;

3) характерной чертой являются острия различных типов, отсутствующие на стрелецких памятниках;

4) двусторонне обработанные орудия имеются (среди тех же острий), но выполнены они не в техни-

ке “тонкого бифаса”, применявшейся в стрелецких и сунгирской индустриях;

5) скребки отличаются от стрелецких, но по крайней мере один тип (подовальные, сужающиеся к лезвию) находит аналогии в Сунгире.

В Костенковско-Борщевском районе есть еще один памятник, близкий по основным характеристикам и индустрии Костенкам-11/III, – Костенки-8/I. Я объединяю их в одну, аносовско-тельманскую археологическую культуру, которую считаю генетически связанной с костенковско-стрелецкой. Типологические обоснования этих связей представлены на рис. 4.

Таким образом, сунгирскую индустрию можно рассматривать как финал костенковско-стрелецких

культурных традиций, как *этап, на котором уже проявляются черты новой археологической культуры*.

Происхождение. Разумеется, проблему происхождения костенковско-стрелецкой АК можно и должно ставить на материалах ее древнейших памятников. В первую очередь, это стоянка Костенки-12/III, изучение которой в последние годы заметно продвинулось благодаря нашему сотрудничеству с американскими коллегами. Одним из основных результатов проведенных работ стало выявление в Костенках целого пласта памятников (включая Костенки-12/III), достоверно датирующихся периодом 45–35 тыс. л.н. [Аникович, 2003].

Проблема происхождения костенковско-стрелецкой АК есть частный вариант проблемы установления генетических связей между археологическими эпохами. При этом я руководствуюсь следующими методологическими посылками: археологическая эпоха – понятие археологическое; границы между эпохами должны устанавливаться не по геологическим (плейстоцен/голоцен = палеолит/мезолит), а по собственно археологическим критериям. На мой взгляд, таким критерием может служить *активное внедрение в человеческую практику нового материала, использовавшегося прежде лишь спорадически и неадекватно своим технологическим возможностям*. С этой точки зрения верхний палеолит – “эпоха кости”, неолит – “эпоха керамики”, далее следуют эпохи бронзы и железа. Мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох, оставаясь, впрочем, важными периодизационными подразделениями, завершающими соответственно верхнепалеолитическую и неолитическую эпохи [Аникович, 1992]. Таким образом, смена археологических эпох есть не что иное, как глобальная смена технологий. Из этого следует важный вывод: в поисках культур-

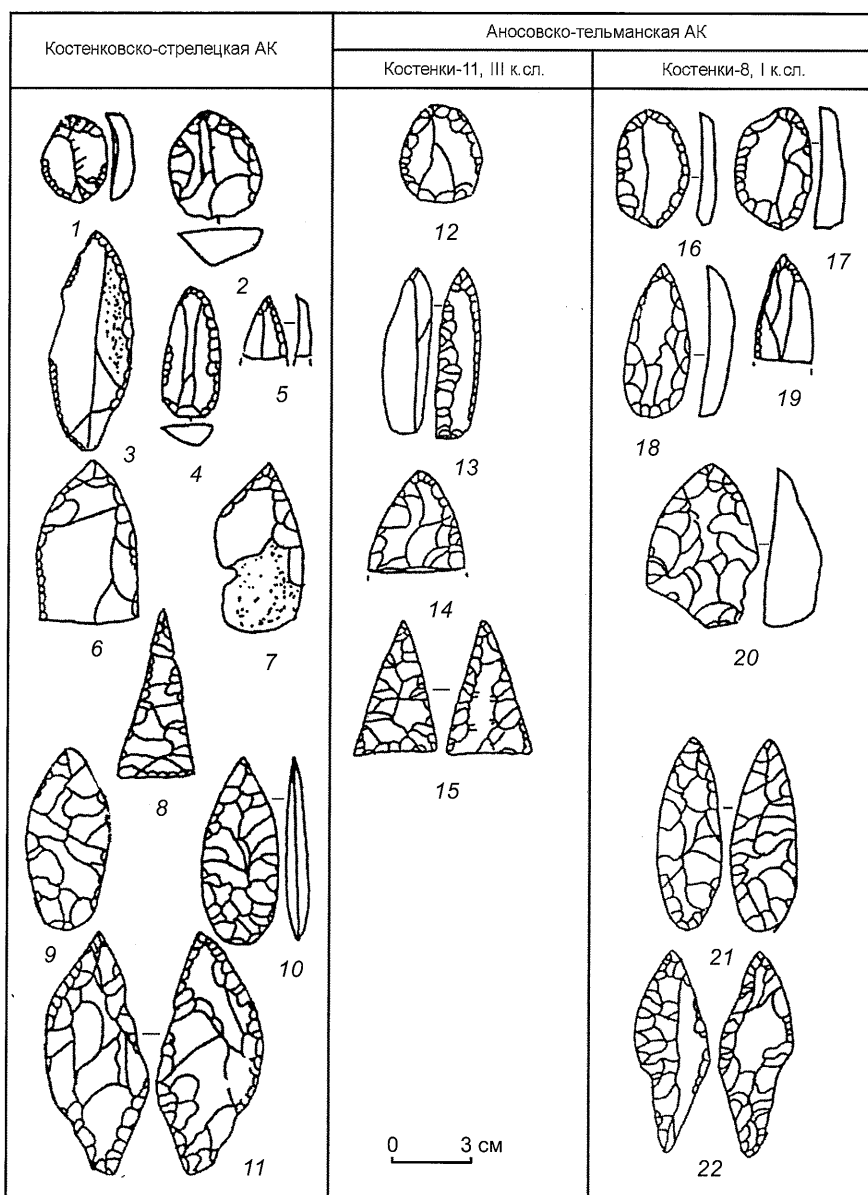

Рис. 4. Типологические параллели между костенковско-стрелецкой и аносовско-тельманской АК.

но-генетических связей между археологическими эпохами в принципе нельзя ориентироваться на технологическое сходство. Более того, следует признать заранее, что генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам, должны различаться в технологическом отношении.

Культурно-генетическое родство есть не что иное, как передача культурных традиций в более или менее полном либо в редуцированном виде. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о передаче в редуцированном (причем сильно редуцированном) виде. В каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в формообразовании.

Следовательно, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими комплексами нужно ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

По типологическим характеристикам наиболее подходящим кандидатом на роль среднепалеолитических предшественников костенковско-стрелецкой АК является т.н. крымский микок, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда орудийных форм, характерных для костенковско-стрелецкой АК, а именно:

1. Треугольные наконечники с вогнутым основанием представлены на памятниках “крымского микока” двумя разновидностями (рис. 5, 6, 7), зафиксированными и в Костенках (рис. 5, 16, 17). Само собой разумеется, техника “тонкого бифаса”, посредством которой изготавливались стрелецкие наконечники, и двусторонняя ретушь “крымского микока” технологически различны. В противном случае вопрос о сходстве типов стоял бы в иной плоскости: если бы аккайские наконечники были выполнены в технике “тонкого бифаса”, эти индустрии пришлось бы оценить как верхнепалеолитические и сделать соответствующие выводы об их культурной принадлежности. Соответственно, при мустьерской технике обработ-

ки коренным образом изменилась бы интерпретация стрелецких индустрий.

2. Хорошо известный тип “крымского микока” – “чокурчинский треугольник” (рис. 5, 3–5) – встречен также в Костенках-12/III и тоже не в одном варианте (рис. 5, 14, 15).

3. Наконечники с округлым основанием типа “лист тополя” и вытянутые известны как в Крыму (рис. 5, 9, 10), так и в Костенках (рис. 5, 19, 20).

4. И там, и там имеются специфические формы двусторонне обработанных острий с суженным основанием (рис. 5, 8, 18), возможно трансформировавшиеся в конечном итоге в миндалевидные, известные в Сунгире.

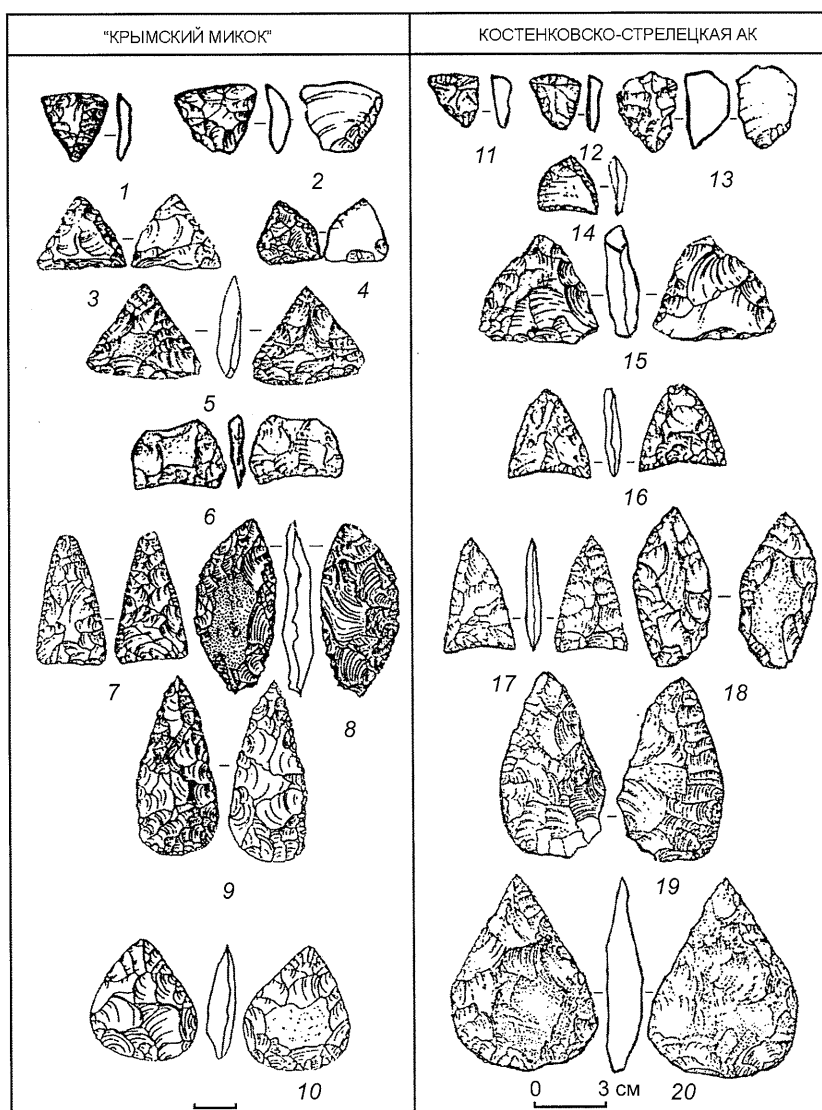

Рис. 5. Типологические параллели между “крымским микоком” (1–10) и костенковско-стрелецкой АК (11–20).

1, 2, 5, 6, 8, 10 – Заскальная-5/III–V; 3, 4, 9 – Чокурча; 7 – Пролом; 11–13, 17 – Костенки-1/V; 14, 15, 18, 20 – Костенки-12/III; 16, 19 – Костенки-6.

5. Типично стрелецкая форма – подтреугольные скребки (рис. 5, 11–13) – характерна и для аккайских индустрий, причем совпадают даже детали оформления, в частности вентральная подтеска основания (рис. 5, 1, 2).

На сходство более “банальных” форм (простые продольные и угловатые скребла, мустьерские остроконечники и т.п.) я не обращаю особого внимания, на фоне отмеченных типологических соответствий это излишне.

Гипотеза была впервые сформулирована свыше десяти лет назад [Аникович, 1991]. Более детальное ее обоснование, а также подробный разбор критических замечаний даны в специальной статье [Аникович, 2001–2002]. Недавние замечания А.Е. Матюхина ничего нового в дискуссию не внесли. Мой оппонент объявляет отмеченное сходство типов случайным и высказывает следующие методологические соображения: “...сходство и идентичность типов вообще приблизительно и во многом зависят от субъективной оценки исследователя... Согласно М.В. Аниковичу, прием прямых аналогий позволяет выявить подлинный смысл типов, в данном случае культурный. Однако такой подход может обернуться формальной типологической подпоркой (?! – М.А.), наложением одних типов на другие (?! – М.А.), и, таким образом, искусственным созданием генетических линий. Выделенные в ходе типологического изучения условные типы имеют лишь аналитический смысл. Нелогично считать, что такие нехитрые схемы могут прямо отражать всю полноту их культурного значения, многообразие, содержание и развитие всего культурного процесса” [Матюхин, 2002, с. 94].

Что ж, насколько “случайны” и “банальны” сравниваемые типы – об этом читатель может судить по приведенным типологическим соответствиям. Само собой разумеется, и процентные соотношения, и техника изготовления орудий этих типов в аккайских и стрелецких индустриях различны. Иначе и быть не может! В противном случае речь шла бы не о поиске генетических связей между эпохами, а о культурной близости в рамках одной эпохи. Что же касается методологической стороны вопроса, то я действительно считаю, что научные знания достигаются сугубо посредством аналитических процедур и всегда неполны, ущербны. Поэтому я совершенно убежден: раскрыть некие “безусловные” типы, да еще во всей полноте “их культурного значения” можно разве что путем мистического озарения. Впрочем, если мой уважаемый оппонент владеет научными приемами, позволяющими достичь такого рода результатов, я готов выслушать его с предельным вниманием. На практике выясняется обратное. А.Е. Матюхин предлагает те же самые аналитические процедуры, что и я. Но у него они направлены на выявление не культур-

ной специфики, а “более общих типологических и технологических показателей, отражающих какие-то значимые тенденции в материальной культуре палеолита, например, факт присутствия двусторонних форм вообще или пластинчатых сколов” [Там же]. В результате А.Е. Матюхин приходит к следующему выводу: “...принципиальным в данном вопросе (о происхождении стрелецкой АК. – М.А.) является (вообще) присутствие в инвентаре мустьерских индустрий двусторонних форм, а не наличие точных копий тех или иных позднепалеолитических изделий” [Там же, с. 99]. Иными словами, в его интерпретации одного факта присутствия в мустьерском слое двусторонних орудий достаточно, чтобы, при желании, провозгласить их создателей предками носителей верхнепалеолитической культуры с двусторонними формами! Дополнительный фактор – “единство места”. По А.Е. Матюхину, для установления преемственности желательнее, чтобы мустьерский культурный слой перекрывался соответствующим верхнепалеолитическим, наличие или отсутствие хронологического разрыва между ними не принимается в расчет. Читатель опять-таки может судить сам, насколько убедительным выглядит подобный подход к решению сложнейшей проблемы и в какой мере он действительно способствует раскрытию “всей полноты культурного значения” раскрываемых нами памятников.

“Культурный контекст” костенковско-стрелецкой АК на ее ранних этапах

Исследование в Костенках целого пласта памятников начальной поры верхнего палеолита (45–35 тыс. л.н.) все убедительнее подтверждает сделанный ранее вывод: на территории Восточной Европы начало верхнего палеолита знаменуется сосуществованием высокоразвитых верхнепалеолитических индустрий, не обнаруживающих сколько-нибудь выраженных среднепалеолитических характеристик, с архаичными, имеющими устойчивый и выразительный комплекс характеристик такого рода.

Индустрии костенковско-стрелецкой АК относятся ко второму типу. К нему же принадлежат такие культуры, как городцовская (Костенки-12/1, 14/II, III (?), 15; Мира/верхний слой в нижнем Поднепровье, стоянка Талицкого на Урале) и брынзенская (Брынзены-1/III, Бобулешты-6, Чунту на территории Северной Молдовы). Сюда же примыкает и целый ряд изолированных в культурном отношении памятников. Но все они моложе раннего этапа костенковско-стрелецкой АК и датируются по ¹⁴C в пределах 32–20 тыс. л.н.

Индустрии, синхронные раннему этапу костенковско-стрелецкой АК, выглядят совершенно иначе. Это комплексы Костенок-12/II, IV, V, 14/IVa, 6 + “гори-

зонт очагов”, 17/II и с большой долей вероятности 8/IV. Археологический облик индустрий Костенок-12/IV, V не установлен вследствие малочисленности собранного материала, но во всех остальных случаях он типично верхнепалеолитический пластинчатый. Представлены типичный верхнепалеолитический набор каменных орудий, выразительная техника обработки кости, разнообразные украшения из бивня, галек, ископаемых раковин. Наличествует техника сверления, шлифовки поверхности. Отмечается геометрический орнамент и, по мнению А.А. Сеницына, фигуративное искусство. Нелишне еще раз напомнить: возраст указанных памятников по совокупности данных 36–45 тыс. лет.

Более детальные определения этих развитых индустрий начальной поры верхнего палеолита у разных исследователей неодинаковы. Я объединяю Костенки-17/II и 12/II в спицынскую археологическую культуру и отношу их индустрии к ориньякоидному технокомплексу, а Я. Козловский трактовал Костенки-17/II как “ранний граветт” [Debrosse, Koslovski, 1988] (обсуждение этого вопроса см.: [Аникович, 2000, 2003]). А.А. Сеницын справедливо подчеркивает культурное своеобразие древнейших материалов из Костенок-14, отказывая им также в ориньякской атрибуции [Сеницын, 2000, 2002]. Я, в принципе, не исключаю возможности того, что и в развитых индустриях начальной поры верхнего палеолита могут быть выделены иные технокомплексы, помимо ориньякоидного, хотя и не спешу с такого рода заключениями: материалы еще слишком скудны, да и сама пресловутая “ориньякоидность” разными исследователями трактуется различно. Но при любых вариантах интерпретации новые материалы не опровергают, а, напротив, подчеркивают два момента, исключительно важные для решения проблемы становления верхнепалеолитических культур Европы:

1) подтверждается факт изначального сосуществования на рассматриваемой территории верхнепалеолитических индустрий двух типов: развитых и архаичных;

2) местные среднепалеолитические корни с большей или меньшей долей вероятности обнаруживаются только для верхнепалеолитических культур архаичного облика. Для развитых ничего подобного не выявлено; учитывая высокий технологический и символично-стилистический уровень развития таких культур, можно предполагать более древний и, по-видимому, неевропейский источник их генезиса.

Из этого следует, что критикуемая А.А. Сеницыным [2000] “бинарная оппозиция” как основа для модели перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Европы отнюдь не утрачивает, а, напротив, усиливает свое значение. Несколько уточняется терминология: на смену парам ориньяк–шательпер-

рон, ориньяк–селет, спицынская–стрелецкая и т.п. приходит более обобщенное определение “развитые–архаичные”, но существо проблемы не меняется. Конкретные культурно-исторические характеристики этой пары будут, несомненно, уточняться и на уровне технокомплексов, и тем более на уровне археологических культур.

Важно отметить, что хроностратиграфическое положение древнейших культурных слоев Костенок-12 и 14 не позволяет представить “архаичные” комплексы более древними, чем “развитые”. Данное обстоятельство вкупе с новой серией дат [Аникович и др., 2002, с. 70; Сеницын, 2002, с. 235], на мой взгляд, делает все менее убедительными упорные попытки отнести все без исключения древнейшие ориньякские слои Западной и Центральной Европы к более позднему времени по сравнению с шательперроном и селетом [Zilhao, d’Errico, 1999].

Становление верхнепалеолитических культур Европы, по археологическим данным

Итак, новые данные, касающиеся генезиса и “культурного контекста” костенковско-стрелецкой АК, как нельзя лучше подтверждают предложенную ок. 15 лет назад аккультурационную модель становления верхнепалеолитических культур Европы [Allsworth-Jones, 1986; Аникович, 1991, 1997]. Ее узловые моменты таковы:

1. Древнейшие верхнепалеолитические культуры появились на территории Европы извне, в очень развитом виде. Их происхождение дискуссионно. Большая часть этих культур (“ориньяк 0”, Ишталлошкё/нижний слой, спицынская АК) относится к ориньякоидному технокомплексу. Во избежание недоразумений отмечу: из принадлежности индустрий одному технокомплексу вовсе не следует автоматически единство их происхождения. К тому же не исключено, что технологической основой древнейших “развитых” индустрий являлся не один ориньякоидный технокомплекс (Костенки-14/IVб).

2. Верхнепалеолитические культуры пришлого населения оказали стимулирующее влияние на некоторые местные среднепалеолитические, в силу чего в различных регионах Европы сформировались “архаичные” индустрии начальной поры верхнего палеолита. Связь их с местными среднепалеолитическими вполне может быть прослежена. Такого рода археологические культуры проходят длительный и сложный путь развития, на протяжении которого среднепалеолитические элементы техники и типологии изживаются, а верхнепалеолитические упрочиваются. История костенковско-стрелецкой АК – ярчайший пример такого рода.

3. Невзирая на культурную специфику, проявляющуюся в разных регионах Европы, именно для ранней поры верхнепалеолитической эпохи можно говорить о “европейском единстве” – общности культурно-исторических процессов на всем континенте. По моему мнению, исторический смысл этого единства заключался в аккультурации и частичной ассимиляции местных мустьерцев пришлым населением, принесшим сложившиеся ориньякоидные (а возможно, и не только ориньякоидные) традиции [Аникович, 1991, 1997, 2000, 2003].

Антропологический аспект проблемы. Значение данных по Сунгирю

Вопрос о возможности ассимиляции части европейских неандертальцев пришлыми кроманьонцами, принесшими верхнепалеолитическую культуру, естественно, выходит за рамки моей профессиональной компетенции. Тем не менее чисто археологические данные, недвусмысленно подтверждающие вероятность аккультурационной модели становления верхнепалеолитических культур Европы*, заставляют меня склоняться на сторону тех антропологов, которые отстаивают гипотезу гибридизации и метисации кроманьонцев и неандертальцев. В этом отношении дискуссия между А.Г. Козинцевым и М.Б. Медниковой [Homo sungsirensis..., 2000; Козинцев, 1997, 2003, 2004; Медникова, 2003, 2004] для меня особенно интересна.

А.Г. Козинцев обстоятельно и, на мой взгляд, очень убедительно отвечает по всем пунктам критических замечаний в адрес своей гипотезы, в т.ч. и относительно данных генетики (точнее, по мтДНК), которым М.Б. Медникова придает едва ли не решающее значение в вопросе о возможности гибридизации кроманьонцев и неандертальцев [Homo sungsirensis..., 2000, с. 387]. При этом выясняется неадекватность избранного М.Б. Медниковой метода поставленным задачам [Козинцев, 2003, с. 62–63; 2004, с. 22–23], а также “довольно неточное” изложение взглядов оппонентов на генезис сунгирцев [Козинцев, 2004, с. 19, 25]. Конечный вывод, сформулированный А.Г. Козинцевым, зву-

*Общая тенденция – не синоним правила без исключения. В Крыму, например, местные среднепалеолитические культуры, судя по серии новых ¹⁴С-дат [Степанчук, 2004], благополучно просуществовали до 20–18 тыс. л.н. Время от времени здесь появлялись носители различных верхнепалеолитических культурных традиций и бесследно исчезали, не оказав никакого влияния на местные среднепалеолитические. Ясно, что на Крымском полуострове смена археологических эпох проходила по иному сценарию. Нелишне подчеркнуть и то, что я говорю об аккультурационной модели становления верхнепалеолитических культур применительно к Европе, но не ко всему Старому Свету.

чит так: “Значительная ценность проведенных М.Б. Медниковой и ее коллегами палеоэкологических исследований сунгирской популяции не подлежит никакому сомнению, как и важность палеогенетики для антропологии. Вопрос состоит лишь в том, можно ли считать результаты всех этих исследований альтернативой хорошо обоснованной гипотезе о неандертальском субстрате у сунгирцев. На мой взгляд, нельзя. Обмен мнениями должен продолжаться, и только новые факты позволят подвести окончательный итог” [Там же, с. 26].

Таким образом, радикальный пересмотр прежних воззрений на наличие у сунгирцев неандерталоидных признаков никак нельзя считать установленным фактом. Это лишь мнение части антропологов, вполне убедительно критикуемое их коллегами. Я, как археолог, естественно, придерживаюсь той точки зрения, которая лучше согласуется с археологическими данными. Думаю, не ошибусь, если скажу, что в “ликвидации” неандерталоидных признаков у сунгирцев немаловажную, если не решающую, роль сыграли заключения палеогенетиков, категорически отрицающих возможность скрещивания неандертальцев и кроманьонцев. В науке нередко возникает ситуация, когда первые результаты, достигнутые новой дисциплиной, быстро “входят в моду” и активно используются в других дисциплинах без должной критической оценки. Так, в первой половине 1970-х гг. “молодые” радиоуглеродные даты, полученные для Костенок-1/1, привели кое-кого из моих коллег к весьма далеко идущим выводам, касающимся генезиса виллендорфско-костенковской культуры. Прошло время, усовершенствовался метод, появилась новая серия дат, вполне согласующихся и со стратиграфическим положением, и с археологическим обликом памятника. Сейчас о былом конфузе не вспоминают. Для меня же эта история послужила уроком: не “бежать впереди прогресса” и не торопиться отвергать то, что достигнуто в “своей” дисциплине, ради новомодных данных, полученных в тех областях, где я так или иначе останусь дилетантом.

Особое значение сунгирских антропологических находок я вижу в том, что, несмотря на “молодой” возраст (усредненно порядка 23 тыс. лет), они сохранили морфологические признаки, указывающие на неандертальскую праоснову. Это позволяет надеяться на обнаружение в ходе дальнейших раскопок древнейших стоянок костенковско-стрелецкой АК (Костенки-12/III и 1/V) останков настоящих неандертальцев (как в Сен-Сезере).

Список литературы

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. – М.: Науч. мир, 2000. – 245 с.

- Аникович М.В.** Каменный инвентарь нижних слоев Волковской стоянки // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л.: Наука, 1977. – С. 94–112.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 1991. – 40 с.
- Аникович М.В.** К определению понятия “археологическая эпоха” // РА. – 1992. – № 1. – С. 85–94.
- Аникович М.В.** Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля: Глобальное расселение гоминид: Материалы симпозиума “Первичное расселение человечества”. – М.: ИЧП “Цветень”, 1997. – С. 143–155.
- Аникович М.В.** Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Науч. мир, 1998. – С. 35–60.
- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11–30.
- Аникович М.В.** Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // Stratum plus. – 2001–2002. – № 1. – С. 266–290.
- Аникович М.В.** Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2 (14). – С. 15–30.
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Форман Ст., Попов В.В.** Новые данные о многослойной стоянке Костенки-12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 68–72.
- Бадер О.Н.** Сунгирь: Верхнепалеолитическая стоянка. – М.: Наука, 1978. – 271 с.
- Гаврилов К.Н.** Типология и пространственное распределение каменных орудий Сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 97–98.
- Григорьев Г.П.** Селет и костенковско-стрелецкая культура // СА. – 1963. – № 1. – С. 3–11.
- Козинцев А.Г.** Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе: Эволюция путем полового отбора? // Человек заселяет планету Земля. – М.: Ин-т геогр. РАН, 1997. – С. 109–114.
- Козинцев А.Г.** От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1 (13). – С. 58–64.
- Козинцев А.Г.** Сунгирь: старый спор и новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1 (17). – С. 19–27.
- Матюхин А.Е.** О ранней поре и генезисе позднего палеолита в бассейне нижнего Дона // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 81–101.
- Матюхин А.Е.** Мустьерские и позднепалеолитические индустрии в бассейне Северского Донца // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 112–114.
- Матюхин А.Е.** Позднепалеолитические памятники с треугольными остриями в бассейне Северского Донца и их место в верхнем палеолите Русской равнины // Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. – СПб. – Вып. 1 (в печати).
- Медникова М.Б.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе: Дискуссионные аспекты таксономического ранга верхнепалеолитических скелетных остатков // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 17–29.
- Медникова М.Б.** Об участии европейских неандертальцев в происхождении человека // РА. – 2004. – № 3. – С. 113–119.
- Палеолитическое поселение** Сунгирь (погребения и окружающая среда). – М.: Науч. мир, 1998. – 270 с.
- Рогачев А.Н.** Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. – 1957. – Вып. 59. – С. 9–134.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В.** Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 162–271. – (Археология СССР).
- Синицын А.А.** Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 125–146.
- Синицын А.А.** Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. – СПб.: Академ Принт, 2002. – С. 219–256.
- Степанчук В.Н.** Новые данные о переходе к верхнему палеолиту на территории Украины // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное: Путеводитель и тез. докл. конф., посвященной 125-летию открытия палеолита в Костенках. – Воронеж, 2004. – С. 137–138.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Понятия “археологический тип” и “археологическая культура” в “Аналитической археологии” Д. Кларка // СА. – 1970. – № 3. – С. 258–270.
- Allsworth-Jones Ph.** The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 412 p.
- Debrosse R., Koslowski J.** Hommes et climats a l’age du mammoth: Le Paleolithique superieur d’Eurasie Centrale. – P.; Milan; Barcelone: MASSON, 1988. – 144 p.
- Homo sungirensis:** Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Науч. мир, 2000. – 460 с.
- Zilhao J., d’Errico F.** The chronology and taphonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13, N. 1. – P. 1–68.

УДК 903.27(571.15)

Л.Л. Баркова, С.В. Панкова

*Государственный Эрмитаж
Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191965, Россия
E-mail: oaves@hermitage.ru*

ТАТУИРОВКИ НА МУМИЯХ ИЗ БОЛЬШИХ ПАЗЫРЫКСКИХ КУРГАНОВ (новые материалы)

Введение

Прошло более 50 лет со времени исследования С.И. Руденко Больших Пазырыкских курганов. Как известно, во Втором и Пятом курганах сохранились мумифицированные тела четырех погребенных: по двое (мужчина и женщина) в каждом кургане. Тело мужчины из Второго кургана оказалось покрыто татуированными рисунками [Руденко, 1953, с. 136–140]. Следующие открытия татуировок на мумиях пазырыкской культуры были сделаны новосибирскими археологами на плато Укок. В 1993 г. при раскопках могильника Ак-Алаха-3 в кург. 1 Н.В. Полосьмак обнаружила мумифицированное тело женщины с татуировкой на руках [Полосьмак, 2000, рис. 3]. В 1995 г. на могильнике Верх-Кальджин-2 В.И. Молодин исследовал кург. 3 с мумией мужчины, плечо которого украшала татуировка в виде фигуры копытного животного [Молодин, 2000, рис. 143].

На этих трех мумиях татуировки были обнаружены непосредственно при раскопках, т.к. синие рисунки хорошо выделялись на светлой коже [Полосьмак, 2001, с. 228]. Вскоре после извлечения из погребений кожа укокских мумий сильно потемнела, и рисунки на ней “исчезли”. Цвет кожи был восстановлен только после проведения специальных процедур [Козельцов, Ромаков, 2000, с. 104].

У других трех мумий из Больших Пазырыкских курганов кожа темно-коричневая, татуировок на ней не видно. По-видимому, такой она была не только при поступлении материалов в Государственный Эрмитаж, но и во время раскопок, т.к. изменения в ее цвете не

были отмечены ни С.И. Руденко, ни другими специалистами. Возможно, они произошли еще при вскрытии курганов древними грабителями.

Мумии, хранящиеся в Эрмитаже, многократно фотографировались, подвергались рентгеновскому обследованию, два раза в год их осматривали сотрудники службы биологического контроля, но никаких признаков татуировки на них обнаружено не было. Выявление рисунков оказалось делом счастливой случайности.

Методика выявления татуировок

Предтечей открытия изображений на трех мумиях из Больших Пазырыкских курганов стало обнаружение татуировки на мумии из таштыкского могильника Оглахты VI. Реставраторы, сняв с мумии одежды, заметили на ней блекло-синие фигуры неясных очертаний. Приглашенные для осмотра мумии судебно-медицинские эксперты посоветовали сфотографировать рисунки в инфракрасных лучах, чтобы “проявить” едва видимые изображения. Благодаря фотосъемке, проведенной в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, удалось не только уточнить уже замеченные рисунки, но и обнаружить другие, невидимые глазом татуировки [Кызласов, Панкова, 2004]. Вскоре возникла идея провести ту же процедуру с пазырыкскими мумиями, наличие татуировок на которых было весьма вероятным.

В октябре 2004 г. три мумии из Второго и Пятого Пазырыкских курганов были сфотографированы в отраженных инфракрасных лучах. Оказалось, что на каж-